УДК 82:81’42(=512.1) DOI: 10.22378/kio.2019.1.110-123

Художественный психологизм произведений Мемета Нузета

Таир Киримов

(ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет»)

Аннотация. В статье рассматриваются основные биографические источники и литературно-художественные произведения крымскотатарского писателя М. Нузета. В процессе анализа стихотворений и рассказов автора была предпринята попытка осветить характер его психологической личности и глубину философского мышления. Вместе с тем на примере поэтических текстов стихотворений, как «Къырыкъ къальбимнинъ къайгъысы» («Печаль моего разбитого сердца»), «Сокъур козьден саадет» («Счастье от слепого глаза»), «Агъладым» («Расплакался»), «Севин эй, шанлы миллет!» («Ликуй, эй, славный народ!»), объясняются некоторые пути авторского влияния на читательскую аудиторию.

Мемет Нузет родился в 1888 году в селе Хайдаргазы близ древнего города Кезлев (Евпатория) в Крыму. Его первые стихи были опубликованы в известной газете И. Гаспринского «Терджиман» («Переводчик») в 1912 году. Наиболее плодотворный период творчества М. Нузета приходится на 1920-е годы. В национальных газетах и журналах, как «Миллет» («Нация»), «Енъи дюнья» («Новый мир»), «Илери» («Вперед»), «Козь айдын» («Благая весть»), он часто печатается под псевдонимами Тюйревич и Челебизаде Хайдаргазы. В 1928–1930 гг. по национальной программе Крымского комитета нового тюркского алфавита М. Нузет переводит на крымскотатарский язык и издает отдельными книжкам и произведения известных русских писателей. В последние же годы своей жизни работал учителем в дер. Коклуз (совр. название – Богатое Ущелье). Впоследствие тяжелой болезни скончался в 1934 году.

Ключевые слова: национальный, портрет, народ, литература, характер, Мемет Нузет.

Для цитирования: Киримов Т. Н. Художественный психологизм произведений Мемета Нузета // Крымское историческое обозрение. 2019. № 1. С.110-123. DOI: 10.22378/kio.2019.1.110-123

Судьба и творческое наследие Мемета Нузета всегда остаются в центре внимания литературоведов, лингвистов, биографов, искусствоведов. Например, в трудах У. Ипчи, Э. Шемизаде, Дж. Бекирова, А. Алтанлы, Ю. Темиркая, И. Керимова, Ю. Кандымова рассматриваются культурно-исторические, политические процессы в Крыму, повлиявшие на формирование личности писателя; обсуждаются стратегии поиска утерянных после его смерти рукописей [2; 8; 9; 13; 28]. Таким образом, в 2003 году издается сборник избранных произведений М. Нузета под названием «Къырымнынъ чёль аятындан» («Из жизни крымской степи»), составленный Н. Сейтягьяевым [18]. Совсем недавно под редакцией К. Салядинова свет увидела книга воспоминаний дочери Ниаль об отце «Бабачыгъымны хатырлап» (2015) [26]. Их дополняет ряд тематических статей и заметок, опубликованных в отечественных и зарубежных изданиях. Здесь читатели могут ознакомиться с блоком интересной информации о жизни, писательской и просветительской деятельности автора. Вместе с тем в довоенной национальной периодике, как «Енъи дюнья» («Новый мир»), «Козь айдын» («Благая весть»), «Янъы Чолпан» («Новая Венера»), «Миллет» («Нация»), «Илери» («Вперед»), можно встретить и малоизвестные стихотворения Мемета Нузета, подписанные псевдонимами Тюйревич, Челебизаде Айдар Газы [14; 15]. Не менее примечательной является переводческая деятельность писателя. В 1929–1930 годах им были переведены на крымскотатарский язык произведения А. Чехова – «Агафья», Е. Бывалова – «Реджи», Б. Житкова – «Плотник», А. Мирской – «Смелая» [3; 5; 7; 19; 24; 27]. Классик крымскотатарской литературы М. Нузет плодотворно работал в различных жанрах поэзии и прозы. В его произведениях оживают тонкие, проникновенные чувства, облекаясь в изящные речевые фигуры. Автор создает образы запоминающихся литературных героев, прослеживает, как проявляются их характеры в весьма сложных, часто суровых жизненных условиях. В случае, если нужно уточнить определенные национальные черты, мировоззрение народа, прибегает к психологическому анализу взаимоотношений людей в том или ином социуме.

Вот, например, на первый взгляд кажущееся простым, комическим драматическое по сюжету произведение М. Нузета «Селим сохта» («Учащийся Селим»). Здесь изображен преимущественно в серых, негативных, сардонических тонах ученик медресе – бородатый мужчина в самом расцвете сил. С Селимом случаются различные нелепые приключения. Эти приключения обусловлены прежде всего его мечтой связать свою судьбу с Момине, нежной и добродушной дочерью зажиточного крестьянина. Но только на протяжении многих лет Селим, в силу то ли необъяснимых психологических трудностей, то ли своего тяжелого экономического положения, никак не решится раскрыть свои чувства понравившейся девушке. Однажды, когда до него дошла весть о помолвке девушки с Куртмуратом – сыном богача Адже-

мета Кыпчаклы, влюбленный ничего не смог предпринять, кроме как похоронить огонь любви в своем сердце. Впрочем, спустя некоторое время слух о смерти супруга Момине в русско-японской войне возродил утраченные надежды. На этот раз, стараясь не упустить прекрасный случай сблизиться с любимой, Селим не обращает особого внимания на то, что у нее на руках двое маленьких детей. В конце концов, во время подготовки к женитьбе неожиданно для всех с войны приходит роковое письмо, которое кардинально переворачивает всю жизнь главного героя. Примечательно, что М. Нузет с помощью письма также меняет ход событий и в другом рассказе – «Бахтсыз хоранта» («Несчастная семья»). Не менее интересно и то, что проницательный читатель, дойдя до самого драматического накала сюжета, может увидеть в, казалось бы, неизменном облике персонажа черты нежного, глубоко ранимого человека. Селим предстает перед нами в совершенно ином амплуа. В тот момент, когда предельно накаляется ситуация, более отчетливо в нарративной структуре рассказа обозначается фигура автора. Он берет на себя ответственность прочесть содержание упомянутого письма:

«*Геджже дюшюмде, куньдюз эсимде, башымнынъ таджы, гонълюмнинъ иляджы, дердимнинъ дерманы, къуванчымнынъ ферманы, багъчамнынъ гулю, далымнынъ бульбули, джерде изим, кокте йылдызым <...> Момине ханыма чокъ-чокъ селямлар идуп, хатыр-ы шерифни истифсар идерим. Ве йине, курьпе къозуларым Айшемен Эсманынъ козьчюклеринден опюп, меним бу къавгъадан сагъ-селямет уйге къайтуп бармакълыгъым ичюн Танъриден геджже-куньдюз дуа идуп истеменъизни ирджа этемен. (Мен ольсем де, къалсам да эгер) бу киши сизге баргъандай боса эгер, меним бир къабат урбамны огъа кийдиринъиз, биз онынъман бек якъын дост болгъанымыздан, бирбиримизге ресимлеримизни де бериштик. Бакъый селям, къара язылы Къуртмурат <...>*» («Той, которая ночью является во сне, а днем в воспоминаниях; короне власти надо мной; фирману счастья, целителю сердца моего, соловью на ветви, розе в саду моем, отпечатку ступни на земле, отблеску звезды на небесах. Моей Момине ханум передаю низкий поклон и спешу справиться о ее здоровье. Вновь целуя в глазки маленьких, словно росинки, моих козочек Айше и Эсму, прошу вас не забывать в молитвах Богу о моем благополучном возвращении с войны. Будь я мертвым или живым, переоденьте в мою одежду человека, пришедшего от меня. Мы стали близкими друзьями и обменялись на память фотографиями. С почтением, горемычный Куртмурат <...>») [18, с. 152; 22].

Основной текст рассматриваемого произведения и вышеприведенный текст письма заметно отличаются друг от друга языком и стилем. Посредством функционально-стилевых расслоений лексики, в частности, своеобразным сочетанием прозы и поэзии, писатель ищет способы передачи возвышенных чувств. Притом это не единственный случай смешения жанров

в его творчестве. Достаточно вспомнить поэтический рассказ под названием «Фериде апте» («Тетя Фериде») [18, с. 159–164]. Риторические градации, экспрессивные интонационные повторения, используемые в приведенном тексте письма, выражают большую воодушевленность литературного героя, мы как бы слышим его учащенное дыхание и ощущаем романтическое головокружение от любви к супруге. Эта стилистическая фигура, именуемая полисиндетоном, помогает читателю с особой яркостью представить чувства персонажа.

Подобное воссоздание возвышенного любовного состояния мы встречаем и в лирике автора, в частности, в стихотворении, раскрывающели трагическую судьбу поэта. Это стихотворение в жанровом отношении близко к плачу (*агыта*), здесь лирический герой оплакивает смерть любимой супруги:

Алтындайым, эльмазым, ачкъан гулюм,
Бенлик, барлыкъ, багъымда бир бульбулим...
(Я спустился [в могилу], мой алмаз, раскрывшаяся роза,
Я это ты, жизнь моя, соловушка в розарии…) [18, с. 98].

Эти первые строки стихотворения «Печаль моего разбитого сердца», в котором воссоздается картина последнего прощания с любимой, проникнуты горестными чувствами, исполнены глубокого драматизма. Мы видим, как под молитву мулл «Бисмилляхи ве аля миллети Ресюлиллях» («Именем Аллаха, перед единоверцами Пророка погребаем тебя») спускается в могилу супруг и, вытянув руки вверх, в то же время с нежным трепетом удерживает тело умершей, пытаясь его не уронить. Грустные слова, которые в последний раз говорит муж своей жене, крайне трогательны и проникновенны. Это первоначальное двустишие, которое почему-то отсутствует в публикациях Э. Шемизаде, биографа М. Нузета, находим в новом издании избранных произведений автора, подготовленном на материале рукописей. Рассматриваемое стихотворение входит в поэтический цикл «Къырымнынъ чёль аятындан» («Из жизни степного Крыма»). Продолжение стихотворения не менее эмоционально и тревожно:

***Т**абут **т**артуп **т**енинъни **т**опракъ **т**у**тт**ы,*
***Дж**аш **дж**анынъны **дж**утукъ **дж**ер **дж**алмап **дж**утты.*
Учтынъ артыкъ, элимден олюм алды,
***Къ**ырыкъ **къ**альбим **къ**арарун, **къ**арап **къ**алды.*
***К**озь **к**орьмеген **к**ечеде, **к**онъюль **к**ирли,*
***Т**юшюнджелер, **т**асалар **т**юрли-**т**юрли.*
***М**езарынъа **м**ингенлер **м**иявкъушлар,*
***Т**ек, **т**ик **т**енге **т**уюла **т**ик **т**авушлар...*

(Вырвав ноши [из рук], тебя схватила земля,
Проглотила и зажевала молодую душу могила.
Ты улетела, вырвала тебя из рук моих смерть,
Мое разбитое сердце, потемнев от горя, обезумело.
Мое сердце темнее беспросветной ночи,
Меня терзают всевозможные думы, скорби.
На могиле твоей только совы сидят,
Изредка лишь доносятся их (страшный) вопль…) [18, с. 98].

В оригинальном тексте весьма ощутима экспрессивная звукопись. Это помогает ярче представить переживания лирического героя. Мы словно видим его пересохшие, посиневшие губы, из которых вырываются сгустки безмерной печали, порывы гнева и отчаяния. Аллитерации, ассонансы согласуются с передачей состояния человека, читатель ощущает содрогание тела, возгласы, крики, застрявшие комом в горле, но доносящиеся из самых недр души:

***Т**алпынаман **т**ентиреп , **т**ен **т**арлыкъта,*
***М**ырылдануп, **м**онъсиреп **м**езарлыкъта.*
***Къ**абиринъни **къ**армалап **къ**алтырайман,*
***Дж**ангъа **дж**етти **дж**ангъызлыкъ, деп **дж**ылайман*
(Я, содрогаясь, пытаюсь вырваться из телесного плена,
Скитаясь по кладбищу в стенаниях и скорби.
Содрогаюсь, увидев могилу твою,
От одиночества устав, не таю слез) [18, с. 98].

Подобной экспрессивности, эмоциональной насыщенности способствуют красноречивые фонетические повторы, используемые поэтом Джемилем Керменчикли на фоне анафоры. В его исполненном революционного пафоса стихотворении «Севин, эй, шанлы миллет!» («Ликуй, эй, славный народ!») так изображаются люди, желающие незамедлительно расквитаться с изменниками родины:

Быракъ! Бираз дамарында долашан къан къурусун.
Быракъ! Бираз зинданларда кемиклери чюрюсюн.
Быракъ! Бираз сюргюнлерде бизим киби юрюсюн.
Быракъ! Бираз козьлеринде хасрет къаны бурюсюн
(Брось! Пусть немного и в их жилах попортится кровь.
Брось! Пусть немного погниют и их кости в темницах.
Брось! Пусть немного, как и мы, поскитаются по чужбине.
Брось! Пусть немного и в их глазах отобразится тоски печаль) [31].

В этих патетических строках впечатлительный читатель может услышать страшный рык стаи разъяренных волков, готовых наброситься на свою жертву.

Обоих авторов объединяют глубокие переживания за судьбу народа, который они представляют и традиции которого развиваются в их творчестве. Не случайно жанры, формы, драматические и анекдотические эпизоды в творчестве М. Нузета черпаются из народной жизни. Это и схожие по форме с национальными песнями пятистишья, двустишья – «Ички къурбаны» («Жертва зелья»), «Батыр джигит» («Смелый джигит»), «Къарылгъач» («Ласточка»), и притчи, во многом близкие к народной сказке – «Тиленджи къарт» («Старый нищий»), «Кирпи ве турна» («Еж и журавль»), «Онъмаз бике» («Непутевая хозяйка»). Таковы также басни, в которых высмеиваются устаревшие моральные принципы, – «Къышта нелер анъылыр?» («О чем вспоминается зимой»), «Хакъ рахмет эйлесин!» («Пусть земля будет пухом!»), «Вааз» («Проповедь»).

Вот характерные поэтические строки:

Бир заманда бек айтувлы бир байнынъ
Олгъан буюк такъдиринен Худайнынъ,
Дар-дюньяда мал дегенден бир къызы,
Лякин сокъур экен онынъ бир козю.
Ходжа, мектеп, окъув, язы корьмеген,
Бай олгъан сонъ, окъуйым деп, юрьмеген...
(Когда-то у одного очень известного бая
По великой божьей воле была
Единственная в этом тесном свете дочь,
Вот только на один глаз она была слепа.
Не ведала она ни о школе, ни о грамоте,
Ибо, будучи богатой, не видела в этом нужды…) [18, с. 39].

Это строки из стихотворения «Сокъур козьден саадет» («Счастье от слепого глаза»). Здесь можно усмотреть продолжение сюжета сватовства с интригами того самого учащегося (сохты) Селима. Начиная свое стихотворение в стиле сказки, поэт повествует о беспечной жизни малограмотной девушки. Здесь он проявляет сострадание к невежественным из-за бедности крестьянам, выражает презрение богачам, игнорирующим учебу в школе. Таким образом, поэт сравнивает малограмотность «старой девы» с неприглядным слепым глазом. Уродливая слепота (невежество) привлекает лишь невезучего, беззаботного студента медресе Сефера, мечтающего о светлом будущем.

Этот момент из жизни М. Нузет, как мастер создания анекдотических сюжетов, удачно использует в дальнейшем поэтическом повествовании:

Киев этип кетиргенлер Сеферни,
Сеадетке тез къавушкъан бу «эрни».
Къапагъанлар акъшам къызнынъ эвине,
Кирген киев, пек севине-севине.
Изин алмай, къызынъ сорап озюнден,
Пек юректен опе сокъур козюнден.
– Вай! Сав союн опьсенъиз, эв! – деген къыз.
Сохта деген: «Бу менимчюн бир йылдыз!
Олмагъайды эгер сенинъ бу козюнъ,
Арам эдинъ эп бир магъа сен озюнъ...»
(Вот привели жениха Сефера,
«Мужа», быстро достигшего счастья.
Заперли вечером в комнатке с нареченной,
Входит нареченный с отрадой чрезмерной.
Без позволения девицы той
От сердца целует глаз незрячий.
– Не лучше ли вам здоровый глаз поцеловать, – возмутилась та.
В ответ студент: «Он для меня точно светило!
Если бы не глаз твой этот,
Противна ты была бы мне на самом деле…»).

В последних строках стихотворения обращает на себя внимание неординарность, острота мысли поэта. Можно полагать, что на фоне контраста эстетических и этических ценностей проявляется прискорбная «проза жизни».

Как отмечалось, поэт проявляет большой интерес к чувствам и формам их выражения. Так, с целью близкого знакомства с обликами невежества он выслушивает поникшего, тоскливо спрятавшего голову в плечи нищего старца-чабана. Он подставляет плечо ослабевшему от вина, отчаявшемуся в будничной безысходности земледельцу, дабы тот не околел ночью в зимнюю стужу. Из-за этого вступает в перепалку с толстобрюхим и толстошеим лицемером муллой.

Эти особенности творчества автора тонко ощущает современная художница Зарема Трасинова, искусный мастер книжной графики. В ее работах живо представлены многие художественные типажи, описанные в таких произведениях писателя, как «Ногъайнынъ адагъы» («Обещания ногайца»), «Шаирнинъ уйкъусы» («Сон поэта»), «Аман, шу акъайлар!» («Айда, мужики!»), «Бастырыкъкъа» («В тюрьме»), «Тиленджи къарт» («Нищий старик»), «Ошек» («Клевета»), «Бахтсыз хоранта» («Обездоленная семья»). Ее иллюстрации помогают нам по-новому взглянуть на клеветницу Фатиму, несчастную Сафие, двуличного Менсеита. Помогают вновь пережить горесть за тщетно прожитую жизнь нищего чабана, услышать, как сбивается с ритма сердцебиение поэта в камере узников.

Поэт, стремясь разносторонне осмыслить действительность, прибегает к различным повествовательным стратегиям. С целью повышения жизненной убедительности он может говорить устами своего героя, выступать в роли свидетеля важных событий. Такой оригинальный подход помогает М. Нузету не выглядеть в обществе читателей назойливым моралистом. Примером могут послужить стихотворения, опубликованные в крымскотатарской газете «Миллет» за 1917–1918 годы: «Окюнч» («Раскаяние»), «Бир сархошынъ агъзындан» («Исповедь пьянчуги»), «Бир татарынъ фигъаны» («Стенания татарина») и др. В назидательных стихах поэт как бы перенимает грехи и беды народа и горькими слезами раскаяния пытается привлечь к лирическому герою особое внимание окружающих.

Стихотворение «Агъладым» («Расплакался») написано в такой манере:

Алем-и ислямы баштан баша сейран идеркен,
Эй-вах! Сюрю-сюрю мазлумлары корюп агъладым!
Саирелер марифетте джиханы хайран идеркен,
Козьлери багълы муслюманлары корюп агъладым.
Эмляки гъасп идильмиш, укъукъы пайимал олмуш,
Акъсыз чийненмиш масюм джанлары корюп агъладым!
Месут аилелер шерр адуве дучар олуп,
Сув киби тёкюльмиш ал къанлары корюп агъладым!
Вуджутлар бербат олмуш, къалмамыш аяттан эсер,
Чехрелери солмуш инсанлары корюп агъладым!
Недир достлукъ, недир душманлыкъ билен пек аз къалмыш,
Кёр нефсине къурбан оланлары корюп агъладым!
Къардашынынъ мутхиш дердине дерманлар арающп,
Уджумлара маруз къаланлары корюп агъладым!
Бу алы фелякет иштимальден ибрет алмаян,
Инсан шеклиндеки айванлары корюп агъладым!
(Долго скитаясь по всему мусульманскому миру,
О горе! Наблюдая за толпами угнетенных, я плакал!
Когда все восхищались достижениями вселенной,
Глядя на мусульман с завязанными глазами, я плакал!
Их лишили имущества, растоптали волю и честь,
Глядя на эти подавленные невинные души, я плакал!
О, те счастливые семьи, оказавшиеся в руках заклятого врага,
Глядя, как их кровь проливалась рекой, я плакал!
Изнеможённые тела, не подающие признаков жизни,
Глядя в блеклые лица этих людей, я плакал!
О, те, кто перестал отличать друзей от врагов,
Глядя на этих жертв слепых желаний и сует, я плакал!

О, те разыскивающие эликсир от ужасных недугов собрата,
Глядя на то, как они подвергаются нападкам, я плакал!
О, те, кто не научился извлекать урок из бедствий бесконечных,
Глядя на вас, тварей в облике человека, я плакал!) [30].

Эти поэтические строки, к сожалению, и сегодня не потеряли своей актуальности, ценности. Состояние мусульман мало изменилось со времен жизни и деятельности автора. С целью привлечения внимания единоверцев к глобальному идеологическому кризису поэт прибегает к обряду плача, причитания. Таким образом, обращаясь к окружившему его народу, он говорит о ценностях веры и нравственности, предупреждает о пагубности невежественности и низменных страстей. Вероятно, подобной психологической стратегии воздействия на людей поэт научился на занятиях по теологической риторике в медресе. Известно, что Мемет Нузет учился в известных духовных учебных заведениях Крыма и Казани.

Короткая жизнь автора (1988–1934) наполнена трагическими событиями. Ранняя смерть матери, гибель первой жены с ребенком, а вместе с тем и преследования со стороны Советской власти за верность национальной идее сформировали в нем поэта-борца, философа. Многогранное творческое наследие Мемета Нузета – это значительное явление классической крымскотатарской литературы первой половины XX века. В художественных произведениях автора чувствуются острота, неординарность поэтической мысли. Стремясь разносторонне осмыслить истинную реальность бытия, он прибегает к различным литературным стратегиям. С целью привлечь внимание читателя к проблемам, связанным с поисками национальной и культурной идентичности народа, поэт использует стилистические и смысловые фигуры, а также литературные и эпистолярные жанры – плач, сказ, анекдот, письмо. Вместе с тем язык поэзии М. Нузета совершенно не случайно сочетает в себе несколько функциональных стилей речи, как публицистический, возвышенный и народный. Посредством своих произведений, персонажей, образов писатель стремится убеждать, просвещать читателя, пробуждать в нем возвышенные чувства. Собственно, на чувствах выстроено все творчество художника слова. Ранее исследователи мало обращали внимание на это. Сегодня, применяя психологический и семиотический подходы к изучению художественных текстов классика, удалось более детально рассмотреть морально-этический облик М. Нузета. Понять его философию жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алтанълы А.* Эдебий яшлыкъкъа ярдым // Ленин байрагъы. 1960. Майыс 12.
2. *Бекиров Дж.* Несиллерден несиллерге мирас. Акъмесджит: Лемешко К. А., 2012. 160 с.

3. *Бывалов Е.* Реджи: хикяе / тердж. М. Нузхэт. Акъмесджит: Къырым Девлет нешрияты. 1929. 32 с.

4. *Борев Ю.* Комическое или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия. М.: Искусство, 1970. 268 с.

5. *Вашенцев С.* Бутюнрусие императричеси / тердж. М. Нузхэт. Акъмесджит: Къырым Девлет нешрияты. 1929. 32 с.

6. Деятели крымскотатарской культуры (1921–1944): биобиблиографический словарь / гл. ред., сост.: Д. Урсу. Симферополь: Доля, 1999. 240 с.

7. *Житков Б.* Дюльгер / тердж. М. Нузхэт. Акъмесджит: Къырым Девлет нешрияты. 1930. 32 с.

8. *Ипчи У.* Мен де шаштым, апакъай // Енъи дюнья. 1925. Окт. 29.

9. *Керимов И.* XIX ас. сонъу ве XX ас. башында къырымтатар бедий сёзюнинъ эврими. Акъмесджит: Къырымдевокъувпеднешир, 1998. 184 с.

10. *Керимов И.* Медений эснас: 1920–1938. Симферополь: Таврия, 1997. 496 с.

11. *Киримов Т.* Творческое наследие Джемиля Керменчикли (первая треть XX века). Симферополь: Оджакъ, 2007. 164 с.

12. Кунештен бир парча: къырымтатар шииристи антологиясы / аз. М. Мирошниченко, Ю. Къандым. К.: Украинада яшагъан миллий азлыкълар, 2003. 786 с.

13. *Къандым Ю.* Юкъу ёкътыр козьлерде. Симферополь: Тарпан, 2009. 192 с.

14. Къырымтатар тили, эдебияты, тарихи ве медениети иле багълы библиографик сечмелер (1832–1941); Эдебий макъале ве малюматлар библиографиясы (1957–1987) / аз. И. Керимов. Акъмесджит: Къырымдевокувпеднешир, 1994. 62 с.

15. Къырымтатар тили, эдебияты, фольклоры, тасили, тарихи, медениети ве техник илимлери иле багълы библиографик косьтергич (1618–1944) / аз. И. Керимов. Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 2009. 324 с.

16. Къырымтатар эдиплери: косьтергич / аз. З. Къуртнезир. Акъмесджит: Таврия, 224 с.

17. Къырымтатарджа къыйын сёзлер (тахаллюслер лугъаты) / аз. И. Керимов. Симферополь: Таврида, 2006. 176 с.

18. *Мемет Нузет.* Къырымнынъ чёль аятындан: сайлама эсерлер джыйынтыгъы / аз. Н. Сейтягъяев. Симферополь: Доля, 2003. 240 с.

19. *Мирская А.* Джесаретли къыз / тердж. М. Нузхэт. Акъмесджит: Къырым Девлет нешрияты. 1930. 22 с.

20. *Невзглядова Е.* Интонационная теория стиха. СПб.: Нестор, 2015. 160 с.

21. *Потебня А.* Психология поэтического и прозаического мышления // Семиотика и авангард: антология / сост. Ю. С. Степанов и др. Под. общ. ред. Ю. С. Степанова. М.: Академический Проект; Культура, 2006. 1168 с.

22. Сектор рукописей ГБУК РК Республиканской крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского. Фонд М. Нузета. Д. 1. С. 156–157.

23. *Селимов Ш.* Къырымнаме-II: Тамчылар. Акъмесджит: Тарпан, 2008. 176 с.

24. *Стефаник В.* Якъыджылар / тердж. М. Нузхэт. Акъмесджит: Къырым Девлет нешрияты. 1929. 40 с.

25. *Успенский Б.* Семиотика искусства: поэтика композиции; семиотика иконы; статьи об искусстве. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 360 с.

26. *Хайрединова Н.* Бабачыгъымны хатырлап / аз. Къ. Салядинов. Симферополь: Къырымдевокъувпеднешир, 2015. 120 с.

27. *Чехов А.* Агафья / тердж. М. Нузхэт. Акъмесджит: Къырым Девлет нешрияты. 1929. 20 с.

28. *Шемизаде Э.* Эдебий ве тенкъидий макъалелер. Симферополь: Доля, 2000. 248 с.

29. *Экман П.* Психология эмоций. СПб.: Питер, 2018. 448 с.

30. *Çelebizade Mehmet Nüzhet.* Ağladım! // Millet. 1917. № 56. Sent. 4.

31. *Kermençikli C.* Sevin, ey şanlı millet! // Terciman. 1917. Mart 16.

Сведения об авторе: Киримов Таир Нуридинович – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института крымскотатарского языка, литературы, истории и культуры этносов Крыма ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет» (295015, пер. Учебный, 8, Симферополь, Крым, Российская Федерация); tairkerimoff@gmail.com.

The Psychological Elements of Mehmet Nuzhet's Written Creation

Tahir Kirimov

(SBEEHE RC «Crimean Engineering and Pedagogical University»)

Abstract. The article deals with life and literary heritage of the prominent figure of the Crimean Tatar literature of the pre-war period, Memet Nuzhet. Particular attention is paid to his personal qualities, the depths of his philosophical thinking, his memories. The author's methods and ways of psychological influence on the subconscious of readers are revealed. The future man of letters was born in 1888 in the village of Haydargazi in the vicinity of the Crimean city of Kezlev (Evpatoria).

His first poems were published in 1912 in "Terdzhiman" (" Translator") newspaper edited by Ismail Gasprinski. It is generally accepted that the most fruitful period of his creative activity dates back to the 1920 s. His works, published during the very short period of national independence of the Crimean Tatars People's Republic and under the Soviet regime in such journals and magazines as "Millet" ("Nation"), "Yeni Dunia" ("New World"), "İleri" ("Move on", "Kozaydin" ("Glad tidings"), were signed with pseudonyms of Tuyrevich and Chelebizade Haydargazi. In 1928–1930s, by the order of the Central Committee about New Crimean Alphabet, he translated the works of renowned Russian writers into Crimean Tatar language and published them in separate books. In the last years of his life he worked as a teacher in a rural school. Then, because of his class position, the writer was persecuted by the communist authorities. Being in a state of constant stress, he fell seriously ill, got to the hospital, where died on May 4, 1934.

Keywords: literature, portrait, psychology, people, Mehmet Nuzhet.

For citation: Kirimov T. N. The Psychological Elements of Mehmet Nuzhet's Written Creation. Krymskoe istoricheskoe obozrenie=*Crimean Historical Review*. 2019, no. 1, pp.110-123. DOI: 10.22378/kio.2019.1.110-123

REFERENCES

1. Altanli A. *Edebiy yashlikka yardim* [Assistance to creative in literature youth] *Lenin bayragy* [The banner of Lenin].1960. Mayis 12. [May,12]

2. Bekirov Dzh. *Nesillerden nesillerge miras* [A heritage from generation to generation]. Simfeopol: Lemeshko K. A., 2012. 160 p.

3. Bivalov E. *Redzhi: hikaye* [A story]. Translator M. Nuzhet. Akmesdzhit: Kirim Devlet neshriyaty [Crimean State publishing house]. 1929. 32 p.

4. Borev Yu. *Komicheskoe ili o tom, kak smeh kaznit nesovershenstvo mira, ochischaet i obnovlyaet cheloveka i utverzhdaet radost bytiya* [About funny or how laughter punishes the world,cleans and renovates the man and gives happiness in life]. M.: Iskusstvo, 1970. 268 p.

5. Vashentsev S. *Butyunrusie imperatrichesi* [Emperess of all Russia]. Translator M. Nuzhet. Akmesdzhit: Kirim Devlet neshriyaty. 1929. 32 p.

6. Deyateli krymskotatarskoy kulturi (1921–1944): biobibliograficheskiy slovar [Public figures of the Crimean Tatar culture]. Chief editor,compiler D. Ursu. Simferopol: Dolya, 1999. 240 p.

7. Zhitkov B. *Dyulger*. Translator M. Nuzhet. Akmesdzhit: Crimean State publishing house, 1930. 32 p.

8. Hayredinova N. *Babachygymny hatyrlap* [Remembering my father]. Compiler K. Salyadinov. Simferopol: Kirimdevokuvpedneshir, 2015. 120 p.

9. Ipchi U. *Men de shashtym, apakay* [I was also astonished, my wife]. *Yeni dyunya* [The New World]. 1925. October, 29.

10. Kandym Yu. *Yuku Yoktir kozlerde* [*T*here is no sleep in my eyes]. Simferopol: Tarpan, 2009. 192 p.

11. Kerimov I. *19. as. sonu ve 20. as. bashynda kirimtatar bediy syozyunin evrimi* [Evolution of the Crimean Tatar literature at the end of the XIX century and beginning of the XX century]. Akmesdzhit: Crimean State Educational and Pedagogical publishing house, 1998. 184 p.

12. Kerimov I. *Medeniy esnas: 1920–1938* [Cultural process:1920–1938s]. Simferopol: Tavriya, 1997. 496 p.

13. Kirimov T. *Tvorcheskoe nasledie Dzhemilya Kermenchikli (pervaya tret XX veka)* [Creative legacy of Dzhemil Kermenchikli (the first third of the XXth century)]. Simferopol: Odzhak, 2007. 164 p.

14. *Kirimtatar edipleri: kostergich* [Crimean Tatar writers: index]. Compiler: Z. Kurtnezir. Akmesdzhit: Tavriya, 224 p.

15. *Kirimtatar tili, edebiyaty, folklory, tasili, tarihi, medenieti ve tehnik ilimleri ile bagli bibliografik kostergich (1618–1944)* [Bibliliografic index connected with the Crimean Tatar language, literature, folklore, education, history, culture and technical science (1618–1944)]. Compiler: I. Kerimov. Simferopol: OAO «Simferopolskaya gorodskaya tipografiya», 2009. 324 p.

16. *Kirimtatar tili, edebiyaty, tarihi ve medenieti ile bagli bibliografik sechmeler (1832–1941)* [Selected bibiography connected with the Crimean Tatar language, literature,history (1832–1941)]; *Edebiy makale ve malyumatlar bibliografiyasy (1957–1987)* [Bibliography of literary articles and information]. Compiler I. Kerimov. Simferopol: Crimean State Educational and Pedagogical publishing house, 1994. 62 p.

17. *Kirimtatardzha kyyyn sYozler (tahallyusler lugaty)* [Difficalt words of the Crimean Tatar language, vocabulary]. Compiler I. Kerimov. Simferopol: Tavrida, 2006. 176 p.

18. *Kuneshten bir parcha: kirimtatar shiiriyeti antologiyasy* [One piece from the sun: antology of the Crimean Tatar poetry]. Compiler M. Miroshnichenko, Yu. Kandym. K.: Ukrainada yashagan milliy azlyklar, 2003. 786 p.

19. Memet Nuzet. *Kirimnyn chyol ayatyndan: saylama eserler dzhiyintigi* [From the steppe life of the Crimea: a collection of selected works]. Compiler N. Seytyagyaev. Simferopol: Dolya, 2003. 240 p.

20. Mirskaya A. *Dzhesaretli kyz* [A brave girl]. Translator M. Nuzhet. Akmesdzhit: Kirim Devlet neshriyaty. 1930. 22 p.

21. Nevzglyadova E. *Intonatsionnaya teoriya stiha* [Intonation theory of the poem]. SPb.: Nestor, 2015. 160 p.

22. Potebnya A. *Psihologiya poeticheskogo i prozaicheskogo myshleniya* [Psycology of the poetic and prose thinking]. *Semiotika i avangard: antologiya* [Semiotics and vanguard:antology]. Compiler Yu. S. Stepanov and others. Under common editorship of Yu. S. Stepanov. M.: Academical Project; Culture, 2006. 1168 p.

23. Manuscripts sector of Republican Crimean Tatar library after I. Gasprinski. D. 1. Pp. 156–157.

24. Selimov Sh. *Kirimname-II: Tamchylar* [Kirimname-II: Small drops]. Akmesdzhit: Tarpan, 2008. 176 p.

25. Shemizade E. Edebiy ve tenkidiy makaleler [Literary and critical articles]. Simferopol: Dolya, 2000. 248 p.

26. Stefanik V. *Yakydzhylar* [Translator]. Translator M. Nuzhet. Akmesdzhit: Kirim Devlet neshriyaty. 1929. 40 p.

27. Uspenskiy B. *Semiotika iskusstva: poetika kompozitsii; semiotika ikony; stati ob iskusstve* [Semiotics of art:poetry of composition;semiotics of icon; articles about arts]. M.: School «Languages of Russian culture», 1995. 360 p.

28. Chehov A. *Agafya* [A story: «Agafya»]. Translator M. Nuzhet. Simferopol: Crimean State publissing house. 1929. 20 p.

29. Ekman P. *Psihologiya emotsiy* [Psycology of the emotion]. SPb.: Piter, 2018. 448 p.

30. Çelebizade Mehmet Nüzhet. *Ağladım!* [I wept!] *Millet* [Nation]. 1917. No 56. Sent. 4.

31. Kermençikli C. *Sevin, ey şanlı millet!* [Be happy, my glorious people] *Terciman*[Translator]. 1917. Mart 16.

About the author: Tair Nuridinovich Kirimov – Cand. Sci. (philology), Associate Professor, leading specialist of the Scientific Research Institute of the Crimean Tatar philology, history and culture; SBEEHE RC «Crimean Engineering and Pedagogical University» (8, Uchebnyi lane, Simferopol 295015, Crimea, Russian Federation); milletara@mail.ru